

К ИСТОРИЧЕСКОМУ КОНТЕКСТУ В ПОЭМЕ «АЛГУЗИАНИ» (XV ВЕК)

Тесаев Зелымхан Адамович

М.н.с., Институт гуманитарных исследований Академии наук ЧР (Грозный); аспирант, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН (Грозный)
amin.tesaev@gmail.com

TO THE HISTORICAL CONTEXT IN THE POEM "ALGUZIANI" (15TH CENTURY)

Z. Tesaev

Summary: The article examines the content of the Georgian-language poem "Alguziani" in order to reveal in it information concerning the history of the Caucasus. An attempt is made to date the events described in the poem. Then they are compared with the real historical situation in the period under review. In the course of the analysis, it was possible to find a number of signs indicating the 15th century as a time of the historical plot of the poem. For the first time, the real historical picture and identification of the heroes of the work are revealed. It is concluded that the poem has a certain historical context of scientific interest.

Keywords: Alguziani, Ossetia, Circassia, Chechnya, Cairo Khan, 15th century, Girei.

Аннотация: В статье рассматривается содержание грузиноязычной поэмы «Алгузиани» с целью выявления в ней сведений, касающихся истории Кавказа. Проводится попытка датировать события, описанные в поэме. Далее они сопоставляются с реальной исторической ситуацией в рассматриваемый период. В ходе анализа удалось обнаружить ряд признаков, указывающих на XV век как на время исторического сюжета поэмы. Впервые раскрывается реальная историческая картина и идентификация героев произведения. Делается вывод о том, что поэма имеет определенный исторический контекст, представляющий научный интерес.

Ключевые слова: Алгузиани, Осетия, Черкесия, Чечня, Каир-хан, XV век, Гирей.

Поэма «Алгузиани» впервые была опубликована Н. Гамрекели в 1885 [1, с. 329] и переиздана М.Г. Джанашвили в 1897 году. Согласно корреспонденции 1898 года («Цнобис Пурцели», № 555), опубликованная поэма представляла собой десятую часть полной версии (книги) с заглавием «Книга Алгузиани», или «Алгузон-Русиани, Чараджон, Тчахилиони» [2, с. 687], которая во время ревизии была обнаружена священником И. Русишвили и И. Бакутовым в Нузальской церкви и хранилась в доме Русишвили до ее утраты [2, с. 686–687; 3, с. 46]. Текст поэмы (изданная часть) представляет собой стихотворное повествование об Алгузе и покорении им «четырех царств». Упоминаются личности Алгуза, его супруги Эстер (Этер), братья Куртагон и Сидамон, сын Чархилан, «векили» Сарагон, Пон, Бибор, Улдан, Сокур, Икром и Малхаз; чеченский царь Каир-хан, калмыцкий хан Амахуни, амосарский царь Алискантер и пр. Как замечает Г. Баев, некоторые из перечисленных героев «упоминаются в народных преданиях и исторических хрониках» [4, с. 22–23].

Содержание поэмы в разное время подверглось анализу ряда исследователей, в том числе М. Джанашвили, Л. Лопатинского, В. Миллера, К. Кекелидзе, Н. Джусойты, С. Хаханова, Г. Баева и др. В.Ф. Миллер сразу после переиздания поэмы М.Г. Джанашвили подверг данное произведение серьезной критике. Исследователь отнес ее к области «исторических сказок» и, за неимением сведений, объясняющих изложенные в произведении

событий, наделил эпитетами «загадочная грузинская» и «quasi-историческая» поэма, добавив, что она «...интересна по содержанию и еще более тем, что вызывает много историко-литературных вопросов, ответ на которые, при современном состоянии изучения старой грузинской литературы, представляется затруднительным» [1, с. 329].

В. Миллер ставит вопрос о национальной принадлежности автора («потомка каких-то весьма сомнительных предков»), полагая о его происхождении из «владельческого рода», и сразу же выдвигает свою версию: «На это, как будто, дают ответ следующие дальнейшие стихи: "Что у овсов был царь... Его называли Бакатаром..."» – имея в виду осетин [1, с. 331]. И далее: «А так как этот Бакатар был отцом автора поэмы... то получается тот странный вывод, что сын для доказательства существования и царского достоинства своего знаменитого отца ссылается на какие-то иностранные источники... Очевидно, во всем этом заявлении сквозит наивная неумелость автора подкрепить авторитетами достоверность своего вымысла». Наконец, академик замечает, что автор поэмы, «действуя в интересах осетин... по всей вероятности, сам принадлежит этому народу» и по профессии «какой-нибудь родовитый книжник, возводивший свой род к осетинским Багратидам» [1, с. 331].

Последние выводы В.Ф. Миллера оказались весьма дальновидными. К.С. Кекелидзе – автор известных тру-

дов по истории грузинской литературы – пришел к выводу, что поэма «Алгузиани» написана знатным осетином, потомком Алгуза – И. Габараевым-Ялгузидзе (1775–1830) [3, с. 43, 46, 47; 5, с. 134]. Если принять за основу мнение К. Кекелидзе, то нельзя оставить в стороне, во-первых, факт пребывания в Нузале одного из учеников И. Ялгузидзе [3, с. 43] и, во-вторых, что «И. Ялгузидзе переписал “Витязя в тигровой шкуре” Шота Руставели» и работал «чиновником-книжником» [5, с. 132]. Последний факт примечателен тем, что поэма об Алгузе отличается подражанием упомянутому труду Руставели «и начинается, по образцу последней, прославлением Бога», а канва поэмы, «помимо quasi исторической основы, заимствована у Руставели» [6, с. 54].

Безусловно, поэма представляет собой соединение преданий и письменных источников (это очевидно из ее содержания и приводимых в ней терминов), снабженное поэтическим изложением, а также, абсолютно очевидно, субъективной попыткой возвысить роль главного героя – Алгуза – в контексте исторических событий рассматриваемой эпохи. Излишняя художественность повествования также не остается без замечания В. Миллера, который указывает на то, как «...описываются в фантастических чертах здания в нонском царстве» (что убеждает в том, что сам составитель никогда не был в их владениях) и «...выслушивает прославляющие его стихи “риторов из города Атаны” (Афин)». Академик пронзительно замечает, что Аслан Гамрекели, упомянутый в поэме, – это «мифический предок первого издателя поэмы *Н. Гамрекели*» [1, с. 334]. Данное предположение оправдалось уже на следующий год, когда выяснилось, что сын И. Русишвили, Александр, выписывал покойному Гамрекели «из этой книги о геройствах Гамрекеловых» [2, с. 687]. В. Миллер считал, что содержание поэмы представляет собой «хаотическое, несогласимое с нашими историческими сведениями, представление о каких-то политических событиях, разыгравшихся когда-то, в неопределенное время, в некоторых, но опять-таки не вполне определенных областях Кавказа», отмечая «какие-то неизвестные Амосарские и Миланкарские царства» [1, с. 330]. Неизбежным заключением исследователя стало утверждение, что поэма производит «впечатление какого-то искусственного и как будто тенденциозного сочинения, в котором книжный элемент сильно подавляет кое-какие народные предания» [1, с. 336]. Таким образом, актуальность исследования неизвестных исторических сведений, представленных в некоторой степени в «Алгузиани», была обозначена еще в 1897 году.

М.Г. Джанашвили датирует царствование Алгуза VIII веком [7, с. 192]. Но с этим невозможно согласиться. Существует целый ряд признаков, позволяющих дать приблизительную датировку описываемым в поэме событиям. Л. Лопатинский считает, что поэма «не могла явиться раньше 1400 г. и позже 1453 г., когда пал Константино-

поль», поскольку в тексте не упоминаются турки [1, с. 336]. С. Хаханов относит ее к концу XIV – началу XV века; при этом рукописи поэмы он относит к XVII–XVIII вв. [6, с. 53].

Упоминание в тексте в одном ряду франков, хазар и валахов в качестве современников Бакатара, знакомых с положением дел «у овсов» [7, с. 93], указывает, безусловно, на XV век. Во-первых, франки (итальянцы) присутствовали на Кавказе до падения их регионального центра – Кафы – в 1475 году [8, с. 16]. Л. Лопатинский указывает на целый ряд признаков в образах, деталях и характеристиках героев, позволяющих отметить средневековое романское – гунуэзское (франки) – влияние на автора поэмы [9, с. 197]. Во-вторых, те же европейцы вплоть до прекращения существования местных колоний называли Крым (центр одноименного ханства), суверенитет которого как раз состоялся в конце 1-й пол. XV века, Хазарией [10, с. 6, 7, 11, 13, 18]. Наконец, в-третьих, валахи действительно достигли пика могущества при Стефане III, правившем 47 лет (1457–1504) [11, с. 30, 46, 54, 60–63]. Утверждение о восхвалении Алгузона риториками Афин [7, с. 140, 141] позволяет считать, что события происходили не позднее 1458 года, когда город пал под натиском турков [12, с. 295].

В тексте вместе с «Монголией» на равнине Предкавказья (т.е. улус Джучи, возникший в XIII веке) называются калмыки, название которых идентично с «нонами» той же поэмы [7, с. 114]. По всей видимости, впервые калмыки в письменных источниках упоминаются в 1397/98 г. Шереф-ад-Дином Йезди (в качестве народа Золотой Орды), однако история возникновения термина имеет отношение к 1-й пол. того же столетия и связана с правлением хана Узбека [13, с. 187; 14, с. 56], при котором Ислам становится государственной религией. Нонны-калмыки поэмы восклицают «*hila hila*», что М. Джанашвили сам трактует как «мусульманское Боже, Боже» [7, с. 102, 102]. В том же контексте следует рассматривать термин «нонны» (те же калмыки поэмы), обозначающий нойонов – «высшее сословие у калмыков» [1, с. 336; 4, с. 30]. Наконец, «воссевший» на «золотой трон монголов» Алгуз получил «корону четырех народов» [7, с. 137, 139], что вновь указывает на четыре области-улуса Орды (Хорезм, Сарай, Крым и Дешт), выделившиеся в том же XIV веке [15, с. 163].

В неопубликованной части «Алгузиани» сообщалось о походе, организованном русским царем Иоанном против Алгуза (уже после «завоевания» им Кавказа), поражении последнего и пленении его сына, дети которого – Ростом, Бежан и Иване – стали именоваться Русишвили по прибытии на Кавказ. В газетной статье 1898 года утверждалось, что этим «Иоанном» был Иван IV Грозный [2, с. 687–688]. Однако, в контексте нашего анализа, его следует отождествить с Иваном III (пр. 1462–1505), при

котором Нурдевет Гирей, имевший глубокие контакты на Кавказе, совершил успешный поход в тыл хана Ахмата во время стояния последнего на реке Угре [16, с. 132].

Центральной фигурой в поэме выступает Алгуз – один из сыновей «Августа-кесаря, грека», из рода «Давида, сына Иессея, отца Соломона, царя евреев» [7, с. 92, 95]. В.Б. Пфафф приводит осетинское предание, согласно которому у некоего Ос-Багатара было семеро (по другим данным – девять) сыновей, в числе которых единственным рожденным от наложницы ребенком был Агус. В этой связи, возникновение «Алгузиани» действительно могло быть мотивировано желанием защитить социальное положение фамилии, по-видимому, на фоне нареканий и упреков. Как бы там ни было, в числе других сыновей Ос-Багатара названы: Сидемон, Царазон, Куссагон, Дзахил и Тетло (имя последнего не известно В. Пфаффу). Названные 7 колен соответствуют семи родам валаджирских осетин. В церкви в Рекоме В. Пфафф обнаружил предметы, приписываемые Ос-Багатару и датированные им XIV веком [17, с. 58–59, 74].

В. Пфафф упоминает о надписи, которая якобы имела на церкви в Нузале. В ней говорилось уже о девяти братьях «Чарджуидзе-Дшархилан», в числе которых Багатар-Ос и Давид-Сослан, которые, якобы, боролись с четырьмя царствами (подобно Алгузу), а также Фидарос, Джадарос, Сакур и Георгий (остальные братья стали монахами). Далее в тексте утверждается, что Багатар похитил сестру карталинского царя, был утоплен, а его войско рассеялось [17, с. 60]. Во-первых, невозможно не обнаружить параллели между Багатаром-похитителем дочери царя Картвели (борцом с четырьмя царствами) и Алгузом, похитившим дочь «Кесарь-хана» [7, с. 95, 97] и воевавшим с Черкесией, Чечней, Нонном-Монголией и царством Амосар-Абхазией [7, с. 99, 115, 123, 125, 171, 185, 193]. Отметим, что горцы Грузии называли царицу Тамару титулом «кесарь» [18, с. 13], это еще более утверждает нас в вероятном тождестве грузинского царя с «Кесарь-ханом», поскольку в тексте поэмы Грузия не упоминается. Кроме того, дочь «Кесарь-хана» именуется Этер, или Эстер [7, с. 193–194], обнаруживая параллель с грузинской народной поэмой о «красавице Этери» [6, с. 55]. Во-вторых, В. Пфафф указывает на то, что Джадарос был отцом Давида-Сослана, а не его братом. В-третьих, исследователь достаточно категорично утверждает (приводя свои доводы), что «нузальская надпись никогда не существовала и не могла даже существовать», а также «противоречит всем историческим данным». Главным источником «сочинителя» надписи называются народные предания об «Осибагатаре». «Цель, с которой надпись была сочинена, – заключает В. Пфафф, – очевидно, состояла в том, чтобы сблизить потомство Осибатара с потомством Давида-Сослана. Но обман этот не удался» [17, с. 61, 62]. В. Миллер также называет этот памятник «подозрительной» и «странной надписью» [1, с. 328, 331].

Заметим, однако, что на Зеленчукском камне обнаруживаются имена Багатар (Ос-Багатар?), Сахир (Сакур?) и Анбал [19, с. 110, 116].

В выводе В. Пфаффа нет ничего странного. Помимо указанных замечаний следует обратить внимание на название династии (В. Пфафф пишет, что ее никогда не было), к которой, якобы, принадлежали Багатар и Давид – Чарджу[идзе]-Дшархил[ан]. Она также обнаруживает фонетическую связь с именем Дзахила (сына Ос-Багатара) и Дчархило (сына Алгуза) [7, с. 173; 17, с. 58–59, 74]. Если упорядочить сведения всех трех источников (предания, «надписи» в Нузале и поэмы), мы получаем следующую генеалогическую последовательность: 1) Ос-Багатар, 2) Агус/Алгуз, 3) Дзахил/Дчархило. Вероятность такой последовательности подкрепляется и мнением В. Миллера о «весьма близком отношении» к поэме нузальского Ос-Багатара [1, с. 331]. В. Пфафф относит данного «Осибагатара» к началу XIV века («нузальскую надпись» датируют 1320 годом [4, с. 20; 6, с. 52–53]) [17, с. 59], однако В. Миллер пишет, что «...грузинская летопись упоминает... другого Багатара, предводителя Осов, причинявшего много хлопот Грузии своими набегами в самом конце XIV-го века...» [19, с. 114–115]. В. Миллер перечисляет известных «Багатаров»: 1) Ос-Багатар – соперник Вахтанга Горгасала (В. Миллер считает историю о них вымыслом, а В. Пфафф называет ее сказкой) [1, с. 332; 17, с. 62], 2) Багатар из рода Ахсарпакаиан, современник Вахтанга II и Давида VI (1289–1310-е гг.), – но полагает, что Багатар поэмы, – «неизвестный истории» царь осетин [1, с. 332].

Еще одна важная деталь, которая приближает к разгадке исторической загадки «Алгузиани» – упоминание имени Куртагона. После покорения царства «Амосар» Алгуз назначил управителем дел в этой области своего брата – «великого князя Куртагона» [7, с. 171, 177]. Осетинские исследователи отождествляют Куртагона с Курдтагоном, или Курдтом (Куртом), – «родоначальником исторического горного клана Осетии, населяющего Куртатинское ущелье» [4, с. 77]. Согласно этнографическим данным, братья Тага и Курта – основатели осетинских тагаурского и куртатинского обществ, – действуя «заодно» с черкесами, жили и действовали, по-видимому, в XV веке, а названные общества «образовались большей частью из беглых валаджирцев» [17, с. 79]. Это позволяет нам отождествить Куртагона/Курта поэмы с Куссагоном – братом Агуса/Алгуза – из осетинских преданий, что вновь указывает на то же столетие. Интересна и другая деталь: Алгуз поэмы, как и братья Тага («армянский князь») и Курта осетинских преданий, называются иноземными выходцами – очевидно, из «Армении». Они – Тага и Курта – явились в Ксурта (Валаджирского общества), а затем – пришли в горы Осетии [7, с. 95, 171; 17, с. 58, 74, 80, 81]. Учитывая притязания Алгуза на происхождение из рода Давида и попытки осетинских преданий связать Багатара с Багратидами (Давид-Сослан), можно

полагать, что под «Арменией» (родиной Тага и Курта) и родиной Алгуза [7, с. 92; 17, с. 60, 62] подразумевается еврейское происхождение армянской династии Багратидов и ее ответвления – грузинской правящей династии [7, с. 190, 191]. Добавим к сказанному, что имя сына Тага, Тотика [17, с. 80], фонетически близко имени Тетло из перечня В. Пфаффа.

Другой брат Алгуза и Куртагона, упомянутый в поэме, – Сидамон, передавший Алгузу письмо с извещением о рождении его сына [7, с. 173]. Он встает в один ряд с наследниками Ос-Багатара, поскольку в точности повторяет имя одного из сыновей последнего (В. Пфафф). В поэме также упоминается «великий визирь и князь нонцев Бибор» [7, с. 181], служащий у Алгуза. Составители сборника материалов «Поэма об Алгузе...» при упоминании Сидамона справедливо вспоминают трех осетин-основателей Сидамоновой фамилии: Ростом, Бибила (отождествлен ими с Бибором поэмы) и Цилосана, которые, будто бы при императоре Юстиниане, сделались «родоначальниками эриставов ксанских и арагвских» [4, с. 76]. В. Пфафф, однако, как было сказано, называет сказкой рассказ о противостоянии Багатара и Вахтанга Горгасала в V веке, столь же скептически относясь и к связи Бибилюров со временем Юстиниана [17, с. 59, 62]. В этой связи следует упомянуть «Памятник эриставов» (далее – ПЭ), составленный между 1405–1410 годами [20, с. 103, 106].

С.С. Какабадзе совершенно справедливо отвергает отождествление царя Иствиниане, возведшего Ростом в сан «эристава цхразмийского», с Юстинианом II, полагая, что «Иствиниане также какой-то царь Грузии». Тем более, что «...с конца XIV в. некоторые представители царского рода создали отдельные боковые ветви центральной царской династии» и «правили отдельными провинциями Грузинского царства» в статусе царей вплоть до XVI века. Мы, однако, не согласны с мнением С. Какабадзе, который датируемое концом XIII – началом XIV века назначение Ростом (по ПЭ) называет ошибкой и относит к IX–X векам [20, с. 107–108]. Обе датировки нами не принимаются на том основании, что, во-первых, исследователями засвидетельствованы позднейшие вставки в ПЭ (в том числе, по-видимому, приписки комиссии Вахтанга VI нач. XVIII в., отраженные в позднейших редакциях «Картлис Цховреба»), а, во-вторых, поскольку в ПЭ нет никаких сведений о промежутке между серединой XIV века до 90-х годов того же столетия, но самым подробнейшим образом описано время эристава Иоане (в тексте составитель ставит вопрос о том, что он может поведать об этой личности, словно выполняя заказ современника), его сына – Вишела, – Тимура Барласа и обрывается на 1405 г. Более того, после упоминания царей Иствиниане и Давида пропущено 26 царствований. Это еще раз подтверждает, что сведения, касающиеся периода до начала правления Георгия VII, – скорее всего, позднейшая вставка. Наконец, Ф.Д. Жордания от-

мечает, что ПЭ состоит из двух частей, где первая (в том числе рассказ о Бибилюрах) – «составлена по преданию» [20, с. 103–106, 108–109].

Возвращаясь к самому преданию о Бибилюрах из ПЭ: согласно тексту, вследствие «смуты в стране Овсетской» и обильного кровопролития сыновья младшего, проигравшего, брата – Ростом, Бибил и Цитлосан – с сыновьями и слугами явились в Двалетию (получив фамилию Бибилюри), а оттуда – в Цхразма, а Ростом стал эриставом этой области. Отмечая фонетическую близость имен Цитлосан и Царазон (по списку В. Пфаффа), отметим, что слово «Цхразма» (область и ущелье в верховьях р. Ксани) буквально означает «девять братьев» (сыновья Ос-Багатара?) [20, с. 107, 110–112]. Особо внимание привлекает поход эристава Вишела против двалов в 1386 году, перед самым нашествием Тимура, и после: эристав опустошил владение Бибилюров в Тле и дал сражение в ущелье Мна: «Тогда были убиты от большого числа стрел главы и богатыри страны их: Сунгу, Пареджан, Амсаджан, Багатар и многие другие» [20, с. 117, 118, 121, 125]. Нам представляется, что упомянутые Сунгу, Паредж[ан], Амсадж[ан] и Багатар – это Сакур, Фидар[ос], Джадар[ос] и Багатар-Ос (В. Пфаффа), а последний – живший «в самом конце XIV-го века» Багатар – «предводитель Оссов» – В. Миллера [19, с. 114–115].

Рассматривая содержание хроники «История Гирей-хана», нами было установлено, что, согласно данным сочинения, на протяжении 1452–1459 годов крымскими Гиреями были завоеваны области-вилаяты Чаркас (Черкесия) и Чачан (владения от Терека до Каспия); в ходе этих событий осетинские предводители Тага и Курта действовали «заодно» с черкесами, воюя, в том числе, с чеченцами [21, с. 56–60]. Данное обстоятельство, по нашему мнению, ведет к разгадке «тайны» упомянутого в поэме «соединенного черкесско-осетинского царства», о котором, как пишет В. Миллер, «мы впервые узнаем», а автор «Алгузиани» «затруднился бы определить время существования... и очертить его географические пределы» [1, с. 333–334]. Опуская все подробности, изложенные нами в указанной статье, отметим, что явившиеся в XIV веке из Крыма на Тамань под давлением ногайцев кабардинцы спустя некоторое время под предводительством Инала – родоначальника кабардинских князей, – явились в Кабарду (вероятно, до 1427 г.) [17, с. 71–73], а затем, под руководством Гиреев, к середине XV в. – в Осетию [21, с. 57–60]. При этом осетины выступили в качестве союзников кабардинцев: «...осетины на первых порах не мешали кабардинцам занимать свободные места и жили с ними в дружбе... Инал женился, даже, на дочери одного осетинского князя Аша. Как Аша, так и другой осетинский князь, по имени Шоша, участвовали в походах Инала. Но осетинский князь, по имени Осдемир, враждовал с Иналом. Сначала он победил посланных против него кегахов, но когда пришел сам Инал, он убе-

жал в Абхазию». К тому же времени относят появление в осетинской среде Хетага, прибывшего из Кабарды [17, с. 72, 77]. То же относится и к середине XV века, где фигурируют личности Тага и Курта, воевавших с нахчийскими племенами в союзе с кабардинцами [21, с. 59]. В этой связи крайне интересны сведения «Алгузиани» о борьбе Алгуза с «чеченским царем Каир-ханом».

Сразу после «покорения» Алгузом Черкесии, согласно поэме, против него вооружился «чеченский царь», который «князя-царя нонцев (т.е. монголов. – 3. Т.) склонил на свою сторону... желая отнять прекрасную девицу...» [7, с. 99], т.е. Этер – супругу Алгуза. Чеченский и калмыцкий «цари» явились на границу Черкесии, дабы сразиться с ним, после чего Алгуз – «Черкесский царь-князь», сидящий «на коне Черного моря» – собрал «черкесов и овсов». Сражение начали монголы, оставив чеченцев в тылу. Алгуз «надвое рассек голову... убил царя калмуцев» по имени Амахуни [7, с. 101, 109, 111, 115, 117].

«Хетажи» монголов называют своего царя «ага хажи» (господин хаджи), а визиря Алгуза-христианина зовут Икром (арабское имя, «почет, уважение»). В тексте также встречаются тюркские понятия – приветствие «саламати», вызов «чик», обращение «ага»; черкесское «хетаж» (дружинник, ветеран); исламские термины «векил» (уполномоченный), «хажи» (совершивший паломничество мусульманин), мусульманские имена и прочее – все эти слова отражают знакомство автора поэмы с черкесским и монголо-татарским миром XIV–XV вв., когда Ислам стал распространяться в пределах Золотой Орды [7, с. 105, 111, 115; 10, с. 20; 14, с. 56–57]. Вместе со всеми перечисленными фактами обращает внимание, во-первых, эпитет «Черкесский» (т.е. ал-Чаркаси – в арабской интерпретации), данный Алгузу; во-вторых, начало войны союзом монголов и чеченцев; в-третьих, «убийство» Алгузом хана монголов, Амахуни; в-четвертых, утверждение о подвластности Алгузу берега Черного моря. Все это обнаруживает самую яркую аналогию с личностью Гирейхана ал-Чаркаси (героя хроники «Тарих Гирейхана»), биография которого в некоторой степени отражает военно-политическую деятельность Нурдевлета – наследника Хаджи-Гирея, основателя Крымского ханства. В 1452 году Хаджи-Гирей разбил хана Большой Орды Сеит-Ахмата (буквально: господин-Ахмат), после чего началось, согласно хронике, завоевание Гирейханом – властелином Крыма и Черкесии – «вилаята Чачан» (Чечни), завершившееся к 1459 году. Причем столкновение Хаджи-Гирея с Сеид-Ахматом спровоцировал последний подходом к границам Крыма [21, с. 55, 56].

Гирейхан ал-Чаркаси, как и Алгуз, имеет эпитет «Черкесский», являясь, при этом, властелином Черкесии, охватывающей значительный берег Черного моря. Кроме того, имя монгольского хана – Амахуни – дано в поэме в виде фамилии (сравните с Багра[уни], Апах[уни] и пр.), с

основой Амах, в которой, вероятно, наблюдается корневая метатеза от изначального Ахма[т]. Вышеупомянутый Сеит-Ахмат был сыном Ахмата и братом Шейх-Ахмата. Ахмату также предшествовал Сеит-Ахмат I [22, с. 489–490]. Таким образом, для современника вся династия Сеит-Ахмата II представляла собой фамилию Ахматуни («Амахуни» поэмы). Данное замечание в совокупности с перечисленными выше фактами позволяет связать историю Алгуза поэмы с Гирейханом «Тариха Гирейхана».

Далее в поэме сообщается, что после гибели Амахуни гонец возвестил Алгузу о том, что «чеченский царь Каиран («враг со всей равнины». – 3. Т.) идет с ратниками». Интересно, что по «Алгузиани» чеченский предводитель способен наущать монгольского хана. А также утверждается, что он «борется ради других и идет сюда, как враг», т.е. является союзником монголов. Чеченский царь «обступил их (своим) войском» и занял горные высоты, после чего началась битва. «Каиранцы (чеченцы. – 3. Т.) навели страх на противников... Сразили Алгузово войско подобно быстро скошенному хлебу... Здесь убили именитого Пона хваленого семью стрелами... Этот случай ошеломил Бибора... погиб Пон-векиль, из рода Кори...» [7, с. 117, 119]. В ходе сражения Каиран «бросился на Алгуза», но был убит последним в бою. Потеряв своего предводителя, чеченцы приглашают Алгуза на «трапезу мира» и «возвращаются восвояси». Вдова Каирана, Мария-Хатун, испрашивает позволения похоронить своего супруга. На надмогильном памятнике царя была установлена надпись: «Здесь покоится прах великого царя, Каирана Джаджева. Хвалите!». После покорения Чечни Алгуз оставляет здесь Бибора в качестве визиря, правителя и сборщика дани [7, с. 121, 123, 125, 127, 131, 133].

В тексте поэмы чеченский предводитель именуется князем-мтаваром (მთავარი) и царем-мепе (მეფე); Каираном (კაირანი) и Каир-ханом (კაირხანი) [7, с. 116, 118, 119, 122]. Последняя форма – Каир-хан – употребляется и Г. Баяевым [4, с. 23]. Каир-хан имеет прозвище «Гот» (გოთი). Также в тексте называется фамилия Каир-хана – Джаджева (ჯადჯევა), или Джджава (ჯჯჯავა) [7, с. 126, 130]. Учитывая явное многообразие разноязычных источников автора поэмы, в данном случае, по-видимому, речь идет о вариантах огласовки арабоязычной записи того же этнонима «чачан». Если эта версия верна, то звук ч передавался буквой «джим» (ج), которая была приспособлена под ч (چ), по-видимому, не раньше начала XVII века – времени миссионерской деятельности Берсашейха [23, с. 164–168]. Рукописное арабское «джджан» (ججان) подразумевало «чачан», или «чачен» (в зависимости от огласовки алифа), где конечная н (в зависимости от стиля письма) могла быть неверно прочитана как в («джджев»).

Весьма примечательно, что «Алгузиани» делает особый акцент на личности чеченского царя: он «наущает»

калмыцкого хана; поражает «Алгузово войско» в первом сражении; утверждает, что «великие цари прославленные» приглашали его, «благовонного», а монголы, «услышав о смерти Каирана», пали пред ногами Алгуза [7, с. 117, 119, 121, 127, 133]. Это позволяет считать, во-первых, что борьба предводителя осетин с чеченцами сыграла важную роль и оказала влияние на составителя поэмы или осетин, в общем, а, во-вторых, автор был, по-видимому, более знаком с историей личности Каир-хана и его царства, нежели с далеким государством кочевников.

Чеченский царь Каир-хан может быть смело отождествлен с правителем «улуса Симсим» Гайр-ханом, или Кыр-беком, авторов одноименных летописей «Зафар-нама», – союзником Тохтамыша и противником Тимура Барласа, оказавшим сопротивление последнему во время его похода в горы Чечни в 1395–1396 годах [13, с. 123, 183; 24, с. 85–91]. В нашем исследовании мы также отождествляем его с «Кахр(ом)», или «Кагар(ом)», летописи «Тарих Чачан» (во всех ее редакциях) – современником хана Навруза, а также с «Каир-меком», посетившим вместе с Алтанцаком (по-видимому, осетинским владетелем из Уруха) и Урусом Кострому в 1360 году по приказу хана Хизира [25, с. 64–66; 26, с. 83]. Согласно этнографическим данным (утверждается, что информация извлечена из утраченной рукописи 1723 года составления), на момент нашествия Тимура Каир-хан уже был человеком в возрасте, а сражение Тимуру в районе современного Ханкальского ущелья дал его сын – Хаси [27, с. 29, 34, 36]. На этом основании, учитывая и возраст Каир-хана, надо полагать, что под Каир-ханом «Алгузиани» в действительности скрывается его сын, Хаси. Кроме того, согласно «Тариху Чачан», Каир-хан имел в своем окружении «коптов» (египтян) [26, с. 85, 91], что, вероятно, отражает связи с мамлюками (у которых правила кавказская, или жаркас-черкесская, династия [28, с. 282]) вследствие союза Золотой Орды и Египта, направленного против Тимура [22, с. 155, 159, 160], и вассальных отношений Каир-хана с Тохтамышем [25, с. 64–66]. К примеру, в еще одном источнике, также нарративного характера, говорится о поддержке, которую обещал чеченцам хан «Тахтам» в борьбе против Тимура [29, с. 59–60]. Учитывая обширные связи Каир-хана с золотоордынскими ханами, нам представляется, что отождествление Каир-хана поэмы с правителем «улуса Симсим» (или его сыном) является верным.

Обобщая приведенные в статье данные, мы приходим к выводу о том, что события, описанные, по крайней мере, в первой части поэмы «Алгузиани», отражают картину 40–50-х гг. XV века. При этом основой для образа Алгуза – реальной исторической фигуры – послужили не собственно его достижения, но деятельность лидеров союзников-сюзеренов осетин, каковыми, по всей видимости, были кабардинцы. Очевидно, что Алгузу

приписаны победы Хаджи-Гирея, Нурдевлета (Гирея) и Гирейхана – героя хроники «Тарих Гирейхана», а также совокупные достижения «девяти братьев» – осетинских героев конца XIV – XV века, сыгравших различную роль в истории осетин. Мы также полагаем, что указанными «братьями» – «сыновьями» Ос-Багатара – были Тага, Курта (Куртагон поэмы и Куссагон В. Пфаффа), Царазон (Цитлосан ПЭ; Сарагон поэмы), Сакур (Сунгу ПЭ; Сокур – «слепой» с арабского языка), Агус (Алгуз поэмы), Сидамон, Ростом, Бибил (Бибор поэмы), Тетло (Тотик – сына Тага?), а также Дзахил (Дчархил поэмы; сын Алгуза), жившие, по всей видимости, в указанный период (XIV–XV вв.), но ошибочно относимые то к VI, то к XIII веку, то к началу следующего столетия. Отметим, что и сам М.Г. Джанашвили отождествил героев поэмы с именами, известными из грузинских летописей [7, с. 193–194].

С момента сражения с калмыцким царем Амахуни (Сеит-Ахматом II) и чеченским царем Каир-ханом (правильно – с Хаси, сыном Каир-хана) вплоть до покорения «Чечена» и назначения Бибора местным визирем и правителем деятельность Алгуза Черкесского повторяет судьбу Хаджи-Гирея, а далее – «Гирейхана ал-Чаркаси» в 1452–1459 годы, приписывая заслуги последних. Последующие события с упоминанием войны в Абхазии (Амосари), термина «сераскир» и некоего Мирза-хана [7, с. 147, 148] указывают, по-видимому, на события, связанные с турецкой экспансией (в 1461 году турки заняли Трапезунд и подступили к Грузии [30, с. 682–683]), приведшей к оккупации Крыма и черноморского побережья в 1475 году. Что же касается неопубликованной части поэмы – поражение Алгуза русским царем Иоанном – то она, вероятно, указывает на события 1480 года (разорение тыла монголов Нурдевлетом по приказанию Ивана III). Последнее обстоятельство объясняется утверждением поэмы о «владычестве» Алгуза над стольным городом монголов после «гибели» царя Амахуни (1452 г.) [7, с. 137, 139].

Игнорирование Грузии, несмотря на упоминание фамилии Гамрекели, вероятно, обусловлено, во-первых, враждебным отношением (как было указано, вдохновитель автора, Багатар, погиб в сражении с эриставом Виршелом в 1386 году) осетин, боровшихся с феодальной Грузией и, во-вторых, упоминанием личности Кесар-хана, которого мы отождествляем с грузинскими царями «кесарями» (в традиции горцев).

В независимости от того, является ли автором поэмы И. Ялгузидзе или нет, в тексте просматривается явное историческое содержание, извлеченное, по всей видимости, из тюркоязычных, грузиноязычных и латинских рукописей, дополненное значительным этнографическим материалом и выраженное в стихотворной форме с подражанием «Витязю в тигровой шкуре» Шота Руставели. При этом, вероятно, мотивом к написанию труда

послужила деталь, указывающая на второстепенный (рожден от наложницы) статус Алгуза в семье или роде, а также желание утвердить положение о причастности «Багатаров» к роду Багратидов, считающихся потомками пророка Давида.

Таким образом, поэма «Алгузиани» представляет собой тенденциозный памятник позднесредневековой поэмы, посвященный далекому предку, историческая роль которого не только утрируется, но и расширяется за счет приписанных главному герою достижений его историче-

ских союзников-сюзеренов, а также других осетинских предводителей XIV–XV веков. Вместе с тем, в ней обнаруживается явный исторический скелет, основанный на письменных источниках и подкрепленный преданиями, описывающими, по нашему мнению, реально состоявшиеся события середины – второй половины XV века. Последнее обстоятельство, после нашего анализа и выявления исторического контекста-основы поэмы, делает данное произведение историческим источником, представляющим большой интерес, по крайней мере, для осетинских и чеченских исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миллер, В.Ф. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Издание Управления Кавказского Учебного Округа. Выпуски XXI и XXII. Тифлис. 1896–1897 гг. // Журнал Министерства Народного Просвещения. Седьмое десятилетие. Часть CCCXIII. 1897. Октябрь. СПб.: Тип.: В.С. Балашева и К^о, 1897. С. 325–348.
2. История Юго-Осетии в документах и материалах (1864–1900 гг.) / Сост.: И.Н. Цховребов; Юго-Осетинский НИИ АН ГССР. Т. III. Цхинвал: Госиздат Юго-Осетии, 1961. 822 с.
3. Казиты, М.Р. Шота Руставели, Сослан Царазон, Иуане Габараты: к проблеме авторства «Вепхисткаосани» и «Алгузиани» // Вестник Владикавказского научного центра. 2019. Т. 19. № 2. С. 43–50. DOI: 10.23671/VNC.2019.2.31376.
4. Поэма об Алгузе / Сост.: Е.А. Хадонов, З.М. Хадонов, Е.Е. Хадонов. – М.: Мысль, 1993. 237, [2] с.: ил.
5. Бепиева, Н.И. Из истории осетинской письменности: осетинские переписчики памятников древнегрузинской литературы // Известия СОИГСИ. 2018. № 29(68). С. 129–136.
6. Хаханов, С. Очерки по истории грузинской словесности. Вып. 3-й: Литература XIII–XVIII вв. М.: Университетская тип., 1901. 436 с.
7. Джанашвили, М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. – Описание Осетии, Дзурдзукии, Дидоэтии, Тушетии, Алании и Джикетии. – О царях Хазаретии. – Алгузиани // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: К. Козловского и А. Федорова, 1897. Вып. 22. С. 1–196.
8. Колли, Л.П. Исторические документы о падении Кафы // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии (год двадцать пятый). Симферополь: Тип. Таврического Губернского Земства, 1911. № 45. С. 1–18.
9. Лопатинский, Л. Заметка // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: К. Козловского и А. Федорова, 1897. Вып. 22. С. 197–198.
10. Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Сост. В. Аталиков. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. 304 с.
11. История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней / Ассоциация ученых Молдовы им. Н. Милеску-Спэтару. Изд. 2-е, пер. и доп. Кишинев: Тип. «Epan Poligraf», 2002. 360 с.
12. Jeffrey M. Hurwit. The Athenian Acropolis: History, Mythology, and Archaeology from the Neolithic Era to the Present. CUP Archive, 1999. P. 295. 384 p.
13. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. II. Извлечения из персидских сочинений / Сост.: В.Г. Тизенгаузен, А.А. Ромаскевич, С.Л. Волин. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 305, [3] с.
14. Очерки истории Калмыцкой АССР: дооктябрьский период / Ред. С.М. Троицкий; ред. изд. Г.Д. Капустина; худож. И.А. Литвишко; Ин-т истории Академии наук СССР. М.: «Наука», 1967. 479 с.
15. Егоров, В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. / Отв. ред.: В.И. Буганов. М.: Наука, 1985. 245 с.
16. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1863. Ч. I. XIII, 558 с.
17. Пфафф, В.Б. Материалы для истории осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Главн. Управления Наместника Кавказского, 1874. Вып. V. С. 1–100.
18. Бакрадзе, Д. Сванетия (продолжение) // Газета «Кавказ». 1861. № 2. С. 11–14.
19. Миллер, В.Ф. Древне-осетинский памятник из Кубанской области // Материалы по археологии Кавказа. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1893. Вып. III. С. 110–118.
20. Какабадзе, С.С. Хроника Ксанских эриставов начала XV в. // Письменные памятники востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1968. М.: Главная редакция восточной литературы, 1970. С. 103–126.
21. Тесаев З.А. «Виляят Чачан» по данным хроники «История Гирейхана» (XV в.) // Genesis: исторические исследования. 2021. № 3. С. 53–67. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.3.35299.
22. Шпулер, Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / Перевод с немец. яз. и коммент. М.С. Гатина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 500 с.
23. Исторические личности Чечни (XI–XXI вв.). Т. I. Кн. I. Политические и общественные деятели / Авт. коллектив; сост.: Ш.А. Гапуров, С.С. Магамадов. Гроз-

- ный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2020. 720 с.
24. Хизриев, Х.А. Кавказцы против Тимура. Грозный: Книга, 1992. 168 с.
25. Тесаев, З.А. Междоусобица в Золотой Орде как фактор приобретения суверенитета княжеством Симсим (XIV в.) // Рефлексия. 2018. №2. С. 61–67.
26. Тесаев, З.А., Баснукаев, Х.У. Хроника «Тарих Чачан», составленная Изнауrom Несерхоевым (перевод и комментарии) // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 1. С. 82–97. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.1.35083.
27. Тесаев, З.А. Исторические сообщения о нашествии Тимура Барласа на Чечню (Симсим) // Таллам. 2020. № 3 (20). С. 27–39. (на чеч. яз.). DOI: 10.25744/tallam.2020.20.3.004.
28. Фильштинский, И.М. история арабов и халифата (750–1517 гг.). Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Формика-С, 2001. 352 с.: ил.
29. Дахо, А.А. «Жахотан тептар» (текст, комментарии) // Таллам. 2020. № 3 (20). С. 46–66. (на чеч. яз.). DOI: 10.25744/tallam.2020.20.3.006.
30. Острогорский, Г.А. История Византийского государства / Пер. с нем.: М.В. Грацианский. Москва: Сибирская Благозвонница, 2011. 895 с., [8] л. цв. ил., к.

© Тесаев Зелимхан Адамович (amin.tesaev@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

